

формальным. Еще в эпоху "расцвета" централизованного планирования существовавшая система финансовых нормативов и планово-отчетных показателей, по сути, играла роль своеобразной социалистической системы внутренних валютных курсов.

В рамках рублевой зоны отсутствует и вряд ли сформируется в ближайшее время фундаментальная предпосылка валютного союза — единство рынков капитала. В постсоциалистической экономике, где лишь очень понемногу, в ходе коммерциализации и приватизации, начинают развиваться рынки фондовых ценностей, где существует целая система ограничений на перелив капиталов и каждое государственное образование ревностно защищает свою внутреннюю сферу денежного обращения, объединение рынков капитала практически недостижимо.

Мы не упоминаем здесь о неразвитости рынка рыбочей силы, скованного не только границами, но и специфически советским институтом прописки.

Формирование фондового рынка в пределах России едва началось. При этом лишь 1/4 выпускаемых в обращение бумаг отвечает необходимым требованиям. Так, в середине сентября 1992 г. была учреждена Всероссийская федерация фондовых бирж. Остро стоит проблема акционирования все еще тотально господствовавшего в конце 1992 г. государственного сектора. Неразвитость инфраструктуры на рынках капитала означает, кроме того, и отсутствие специализированных инструментов, внедрение которых лишь робко начинается, причем далеко не во всех республиках.

Говорить при этом о валютном союзе явно преждевременно. Единственно жизнеспособная форма валютного союза стран бывшего СССР в этих условиях — не в рамках рублевой зоны, а вне ее: между Россией и отдельными бывшими союзными республиками, покинувшими зону (как в случае прибалтийских государств). Однако такой валютный союз малого государства с гораздо более крупной и богатой страной изначально несимметричен и становится по существу формой организации финансовой помощи для поддержания новой валюты и рыночной трансформации в целом.

Отдельные системы типа валютного союза объединяются с системами типа золото-долларового стандарта и некоторыми иными типами организации денежно-кредитной и расчетно-платежной сферы лишь в той мере, в какой все они основаны на поддержании фиксированной покупательной способности национальных валют друг к другу, к золоту и к некоторым другим "стратегическим" ресурсам, а следовательно, на проведении единой или как минимум согласованной эмиссионной и кредитной политики.

В зоне рубля реально устойчивыми, с высокой вероятностью быстрейшего достижения полной обратимости оказываются лишь некоторые периферийные молодые валюты, как, например, обеспеченный запасами энергоносителей туркменский манат, введение которого ожидается со II кв. 1993 г.

Резервная функция периферийной валюты, при всей ее возможной привлекательности и относительной надежности, невозможна уже хотя бы вследствие малого удельного веса "материнской" республики во взаимном товарообороте бывших субъектов СССР. Стабильность всех прочих новых валют, включая российский рубль, в обозримом будущем менее реальна, ввиду несбалансированности внутренних рынков, неизбежности дефицитного финансирования в условиях спада производства, из-за ограниченности валютных (золотовалютных) резервов по сравнению с объемом эмиссии, а также незначительности внешнего товарооборота по отношению к объему ВВП.

Все это заставляет исключить возможность эволюции механизма рублевой зоны в направлении создания такой системы, в которой эмиссия и курсы республиканских валют были бы в той или иной степени привязаны к резервам твердой валюты и/или золота, а также иных высоколиквидных товаров.

Страницы истории

© 1993 г.

Из Архива Горбачева

(Беседы М.С. Горбачева с Р.Рейганом в Рейкьявике 11—12 октября 1986 г.)

Вторая беседа

(днем 11 октября 1986 г.)

На беседе присутствовали

Э.А. ШЕВАРДИНАДЗЕ и Дж. ШУЛЬЦ

Рейган. Сегодня утром Вы передали на наше рассмотрение документ, с которым я имел возможность ознакомиться. Теперь мы хотели бы ознакомить Вас с нашим документом, в конце которого будут изложены некоторые предложения.

Слушая Вас сегодня утром, я не мог не согласиться с тем, что сокращение вооружений является самым приоритетным делом и что настало время для практических действий. Я приветствую тот факт, что в сказанном Вами главное внимание было сосредоточено на баллистических ракетах и признаю, что сокращение боеголовок баллистических ракет является центральной задачей.

Мы согласились в вопросе о сокращении баллистических ракет с идеей 50-процентного сокращения. Предложенный нами уровень боеголовок баллистических ракет — 4500 единиц — составляет примерно половину вашего нынешнего уровня. Ваше предложение предусматривало сокращение до 6400—6800 единиц. Мы сочли, что эта цифра слишком высока. Тем не менее мы готовы обсуждать и меньшие сокращения. Но, повторяю, мы предпочитаем 50-процентное сокращение, как Вы и предложили сегодня утром.

Нас беспокоят тяжелые МБР, и мы удовлетворены тем, что Вы предлагаете значительные сокращения этих ракет. В ответ мы готовы пойти на соответствующие сокращения всех баллистических ракет, в том числе и БРПЛ

Продолжение. Начало см. "МЭ и МО", № 4. 1993.

(баллистические ракеты на подводных лодках. — Прим. редакции), как Вы об этом и говорили. Помимо этого мы полагаем, что должны иметь место сокращение забрасываемого веса, установление дополнительных подуровней и обеспечение эффективного контроля.

На наш взгляд, договоренность должна привести к сокращению забрасываемого веса в 2 раза по сравнению с вашим нынешним уровнем. Что касается контроля, то мы считаем, что его обеспечение отвечает интересам обеих сторон, и мы полагаем, что прогресс, достигнутый в этой связи по таким вопросам, как средства промежуточной дальности и некоторые другие, должен найти свое отражение в сфере сокращения стратегических вооружений.

В рамках общего пакета мы готовы договориться и по некоторым другим вопросам. В частности, мы готовы пойти на ограничения крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ), но не других вооружений бомбардировщиков. Мы готовы ограничить крылатые ракеты воздушного базирования путем включения их в общий предел в 6000 единиц боеголовок баллистических ракет и КРВБ, который, однако, не включал бы бомбы свободного падения и СРЭМы*.

Мы готовы пойти на установление уровня по бомбардировщикам. Надо сказать, что это медленно летящие средства, которые сталкиваются с неограничиваемой ПВО и которые поэтому нельзя приравнивать к ракетам и боеголовкам, как это делалось в прежних соглашениях по контролю над вооружениями. Однако мы можем пойти на установление общего предела количества бомбардировщиков в 350 единиц, что будет служить ограничителем количества вооружений бомбардировщиков.

Что касается общего предела количества бомбардировщиков и баллистических ракет, то мы можем согласиться с Вашим предложением о том, чтобы такой предел, включающий МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики, составлял 1600 единиц. Если мы договоримся об этом, то такую договоренность не следует делать заложником прогресса по другим направлениям.

Что касается Вашего предложения по ракетам промежуточной дальности, то я разочарован им. В своем сентябрьском письме Вы писали, что хотя некоторые проблемы в этой области остаются, позиции сторон, по-видимому, сблизились, а также что по вопросу о советских ракетах в Азии можно найти взаимоприемлемую формулу и Вы готовы предложить такую формулу, если действительно будет уверенность, что есть готовность решать вопрос по Европе. Теперь, как представляется, Вы делаете шаг назад по сравнению с этой позицией.

Мы подчеркиваем, что этот вопрос необходимо решать на глобальной основе. И, как мне казалось, у нас с Вами было взаимопонимание о том, что мы достигнем сначала промежуточной, глобальной договоренности, которая будет включать равные потолки как в Европе, так и в глобальном плане, на советские и американские боеголовки ракет промежуточной дальности. Не должно быть никаких сомнений в том, что мы настаиваем на глобальном решении. Мы можем согласиться с вашей идеей о сокращении до 100 боеголовок в Европе, если будет найдено удовлетворительное решение по другим элементам. Повторяю: 100 боеголовок в Европе нас устраивают, если в промежуточном соглашении будут удовлетворительно решены другие аспекты.

Существенно важным является вопрос контроля. Вы заявили в своем письме, что контроль больше не является проблемой, из чего я делаю вывод, что Вы готовы конструктивно участвовать в поиске решений, которые устраняли бы наши озабоченности в сфере контроля.

Еще раз хочу напомнить, что Вы говорили о том, что у вас имеется формула по ракетам в Азии. Эта формула должна идти дальше, чем то, что Вы

предложили во Владивостоке, а также сегодня. Мы не можем согласиться на решение, которое лишь заморозит уровень СС-20 в Азии. Мы выступали за пропорциональные сокращения в Азии. При сокращении до уровня в 100 боеголовок в Европе пропорциональное сокращение в Азии дало бы цифру в 63 единицы. Однако для нас было бы приемлемым и сокращение до уровня 100 единиц в Европе и 100 — в Азии, но лишь в соответствующем контексте. Необходимо решить вопрос о средствах меньшей дальности, его нельзя откладывать. Как минимум, эти средства должны быть ограничены уровнем, не превышающим нынешнего количества советских ракет меньшей дальности. При этом Соединенные Штаты имели бы право на такое же количество ракет, и чем меньше был бы уровень — тем лучше.

В вашем проекте договора по средствам промежуточной дальности вы предложили как раз это. Поэтому у нас вызывает некоторое беспокойство ваше нежелание на данном этапе ограничить ракеты меньшей дальности. Однако я приветствую тот факт, что сегодня утром Вы затронули вопрос об этих ракетах и заявили о готовности заморозить их количество.

Должен сказать, что я не соглашусь на договоренность, которая включала бы запрет на наши ракеты "Першинг-2". Можно обсуждать лишь вопрос о составе ракет с нашей стороны, то есть количество ракет "Першинг-2" и крылатых ракет наземного базирования. Мы не можем согласиться на то, чтобы в составе ваших сил были баллистические ракеты, а у нас — нет.

Мы считаем, что промежуточный договор должен оставаться в силе до тех пор, пока его не заменит другая договоренность. Это предложение содержалось в вашем проекте договора от 15 мая, и мы поддерживаем его.

Таким образом, давайте договоримся иметь по 100 единиц в Европе и Азии, и у нас с вами будет движение. Мы не будем настаивать на пропорциональных сокращениях в Азии до уровня 60—65 единиц, договоримся об уровне в 100 боеголовок вне Европы и о замораживании средств меньшей дальности в Европе на нынешнем уровне, и у нас с вами будет основа для соглашения.

Я думаю, мы можем с Вами договориться о том, чтобы поручить нашим дипломатам согласовать вопрос об ограничении ракет меньшей дальности в рамках промежуточной договоренности с учетом их боевых возможностей и необходимости того, чтобы соглашение предусматривало равенство между СССР и США.

Давайте также договоримся и относительно мер контроля. Мы полагаем, что эти меры должны включать всесторонний и точный обмен данными как до сокращений, так и после их проведения, наблюдение на месте за уничтожением ракет, сокращаемых до согласованного уровня, и эффективное наблюдение за остающимися арсеналами и соответствующими сооружениями, которое включало бы инспекцию на местах.

Давайте, наконец, покончим с вопросом о сроке действия договора. Мы можем проинструктировать наших дипломатов выработать такую договоренность по этому вопросу, чтобы советские и американские ракеты промежуточной дальности продолжали ограничиваться режимом юридически обязательного договора по мере того, как стороны будут договариваться о дальнейших сокращениях.

Что касается Вашей озабоченности относительно СОИ, то я учел ее в моем июльском письме. Прежде всего, я отметил, что мы признаем бессрочность Договора по ПРО. Я предложил механизм, на основе которого мы могли бы продвигаться к режиму с большим упором на оборону. Мое предложение не означает ликвидацию Договора по ПРО. В результате предлагаемых мною переговоров были бы разработаны новые положения, которые заменяли бы некоторые положения Договора по ПРО. Осуществление моего предложения привело бы к укреплению стратегической стабильности и облегчению того

* Американские ударные ракеты малой мощности.

бремени, которое несут обе наши страны в процессе постоянной модернизация и увеличения стратегических наступательных арсеналов. Мое предложение предусматривает тщательно контролируемый и осуществляемый в условиях стабильности переход к новому равновесию наступательных и оборонительных средств и далее — к ликвидации наступательных баллистических ракет.

Высказываемые Вами опасения распадаются на две категории.

Во-первых, Вы опасаетесь, что оборона может быть использована для нападения. Могу заверить Вас, что СОВСЕ осуществляется не с этой целью. Действительно, высказывалось опасение, что средства космического базирования могут использоваться для уничтожения целей на земле. Однако для этого нет более надежного, эффективного и быстрого средства, чем баллистические ракеты. Между нами уже имеются договоренности, запрещающие размещение в космосе оружия массового уничтожения. И если у Вас имеется какая-то дополнительная озабоченность в этой связи, то мы можем совместно снять эту озабоченность.

Во-вторых, Вы высказывали опасения о том, что Соединенные Штаты могут получить возможность нанесения первого удара и благодаря обороне избежать возмездия. Могу сказать, что у нас нет способности нанесения первого удара, и это не является нашей целью.

Высказанная Вами озабоченность побудила меня предложить разработать договор о ликвидации всех наступательных баллистических ракет. В этом случае вопрос о такой комбинации наступательных и оборонительных средств, которая позволила бы одной из сторон нанести первый удар, сам по себе отпадает. Убежден, что благодаря этому положение станет более стабильным, более безопасным и все это будет меньше нам стоить. Были бы ликвидированы вооружения, которые достигают своей цели за несколько минут и не могут быть отозваны, что положило бы конец нестабильности, порождаемой опасениями обезоруживающего первого ракетного удара. Мое предложение позволит обеспечить стабильность на основе ликвидации баллистических ракет и создания обороны, которая давала бы гарантию против нечестной игры и действия третьих стран. Больше всего мы хотим, чтобы на смену баллистическим ракетам пришла оборона, переход к которой был бы поэтапным при обеспечении стабильности на каждом этапе процесса разоружения.

Мы готовы поделиться достижениями стратегической обороны и могли бы включить такое положение в договор, который ставил бы количество развертываемых оборонительных средств в зависимости от числа остающихся баллистических ракет. Подобная ситуация отличалась бы большей стабильностью, ибо бомбардировщики и крылатые ракеты непригодны для внезапного нападения в силу их медленной скорости и неограниченных средств ПВО.

Естественно, необходимо рассмотреть сроки и этапы перехода к стратегической обороне. При этом соблюдались бы принципы равенства и стабильности на каждом этапе этого процесса. Мое предложение является серьезным шагом, и нам необходимо вести серьезные переговоры. Я убежден, что его осуществление позволит поставить безопасность на более прочную и стабильную основу. Что же касается Вашего сегодняшнего предложения, то мне не совсем понятно, о чем шла бы речь на переговорах, которые Вы предлагаете. Будут ли там обсуждаться наши предложения, в том числе наша идея поделиться преимуществами стратегической обороны и предложение по ликвидации баллистических ракет?

Горбачев. Я отвечу на этот вопрос позже.

Рейган. По вопросу о ядерных испытаниях. Мы приветствуем тот факт, что Вы признали взаимосвязь между потребностью иметь ядерное оружие и его испытаниями, между существованием этого оружия и испытаниями. Я убежден, что необходимо усовершенствовать процедуру контроля по договорам о

пороговом запрещении ядерных испытаний и о мирных ядерных взрывах в качестве первого шага. Для меня приоритетной является задача исправить недостатки этих двух договоров в вопросах контроля. Если это можно будет сделать при помощи системы "Корртекс" или какой-либо другой столь же эффективной системы, которую бы предложили вы, то мы можем ратифицировать эти договоры.

Я заявил конгрессу, что представляю на ратификацию эти договоры, что будет отражать то значение, которое я придаю данному вопросу. Я сделаю это, когда конгресс соберется в новом составе на свою следующую сессию. Если мы с вами не договоримся об усовершенствовании процедур контроля, то я попрошу сенат ратифицировать эти договоры с оговоркой, согласно которой ратификация вступит в силу лишь тогда, когда я смогу заверить конгресс в том, что договоры поддаются эффективному контролю. Этот подход поддерживает руководство конгресса, и поэтому у вас не должно быть каких-либо иллюзий насчет раскола по этому вопросу у нас в стране. Поэтому давайте договоримся о том, что мы исправим два упомянутых договора. Такая договоренность будет свидетельствовать о прогрессе в вопросе о ядерных испытаниях. Это будет разумный и логичный подход. Затем мы сделаем следующий шаг по сравнению с этими договорами и начнем переговоры о поэтапной параллельной программе, в рамках которой во взаимосвязи с сокращением и в конечном счете ликвидацией ядерного оружия осуществлялось бы ограничение и в конечном счете прекращение ядерных испытаний. Я стремлюсь к прогрессу по этому вопросу, но Вы должны знать, что мораторий на испытания или полный их запрет в обозримом будущем исключается. Может быть, на основе ваших и наших соображений можно было бы найти какие-то точки соприкосновения.

О центрах по уменьшению ядерной опасности. Я удовлетворен достигнутым в этом вопросе прогрессом. Давайте теперь сделаем шаг к договоренности. Учитывая достигнутый прогресс, я не вижу причин, которые мешали бы нам поставить цель подготовить соглашение по этому вопросу к подписанию во время Вашего визита в США.

Особое значение имеет вопрос о строгом соблюдении существующих договоренностей. Я подчеркиваю это еще и еще раз. Мои решения относительно договоров ОСВ-1 и ОСВ-2 были приняты из-за несоблюдения этих договоров Советским Союзом. Особенно значительным из нарушений является строительство РЛС в Красноярске.

В целом мне представляется, что возможен довольно существенный прогресс. Поэтому я предлагаю, чтобы мы поручили группе экспертов встретиться сегодня в 8 часов вечера и обсудить все обозначенные нами вопросы в области стратегических вооружений, средств промежуточной дальности, космоса и обороны, ядерных испытаний. С американской стороны в группе будут участвовать Нитце, Кампельман, Пёрл, Рауни, Линард, Эдельман.

Горбачев. Прежде чем я отвечу, г-н Президент, хотя бы кратко на Ваше выступление и многочисленные вопросы, которые Вы затронули, я хотел бы задать несколько уточняющих вопросов. Как я понимаю, Вы разделяете предлагаемую нам цель сократить стратегические наступательные ракеты на 50%.

Рейган. Да.

Горбачев. В то же время, если я Вас правильно понял, названные Вами цифры отражают варианты, которые обсуждались в Женеве и которые предусматривают сокращение на 30%.

Рейган. Мы предлагаем 6 тыс. единиц.

* Метод контроля, используемый для фиксации параметров ядерного взрыва мощностью свыше 50 кт.

Шульц. Этот уровень включал бы 4 500 боеголовок баллистических ракет и 1 500 крылатых ракет воздушного базирования.

Горбачев. Об этих вариантах уже много говорилось, и Вы знаете, что дело зашло в тупик. Наши дипломаты в Женеве могут без конца обсуждать все эти цифры, уровни, подуровни и т.п. Вот у меня есть данные по американским и советским стратегическим вооружениям. Я могу Вам передать эту таблицу. И я предлагаю: поскольку мы с вами согласны в том, что стратегические ракеты следует сократить на 50%, давайте сократим все виды вооружений в наших стратегических арсеналах наполовину — ракеты наземного базирования, ракеты подводных лодок и ракеты на стратегических бомбардировщиках. Таким образом, стратегические арсеналы будут сокращены на 50% по всему спектру. Ведь структура наших стратегических вооружений сложилась исторически, и при таком сокращении ни один вид не будет ущемлен, а уровень стратегической конфронтации уменьшится на 50%. Это простое, пропорциональное решение, которое все поймут. И тогда все эти споры, которые занимают уже столько лет, об уровнях, подуровнях, учете или неучете и т.д. будут сами по себе сняты, ибо 50-процентное сокращение — это 50-процентное сокращение. И спорить будет не о чем. Вы согласны с таким подходом?

Рейган. Но ведь и в моем предложении включены все стратегические средства, кроме бомб свободного падения на бомбардировщиках. Но и эти косвенно ограничиваются, так как устанавливается предел количества бомбардировщиков.

Горбачев. Это все частности, о них можно договориться. Думаю, что предлагаемому простому решению учитывает Вашу озабоченность по многим вопросам. Вот Вас беспокоят наши тяжелые ракеты СС-18, они будут сокращены на 50%. Будут сокращены все стратегические вооружения. В противном случае мы с Вами, как наши послы Карпов и Кампельман, будем годами толочь воду в ступе и ни к чему не придем. Если же мы договоримся о 50-процентном сокращении, то проще будет решать все другие вопросы, и о бомбах тоже можно будет по ходу договориться. Если мы увидим, что вы в ходе таких переговоров будете пытаться обходными путями заполучить себе преимущества, то мы вам скажем об этом. Если же можно будет пойти вам навстречу в каких-то вопросах, то мы это сделаем. Но Вас устраивает в целом предлагаемый подход?

Рейган. Это можно будет обсудить, если Вы дадите согласие на предлагаемую нами встречу экспертов. Сейчас я определенно сказать не могу, я не все цифры знаю. Но, кажется, при 50-процентном сокращении вы будете иметь некоторое преимущество, ведь у вас сейчас всего больше, и при сокращении наполовину тоже останется больше.

Горбачев. А Вы посмотрите на цифры по общему количеству боезарядов. И вообще давайте не будем хлебать тут похлебку, которую уже столько лет варят Карпов и Кампельман. Я предлагаю простое решение.

Рейган. Я смотрю, в вашей таблице говорится, что у нас 518 бомбардировщиков. Но многие из них старые бомбардировщики, и эти не находятся в боевом составе.

Шульц. Ну, и они будут сокращены наполовину. Мне кажется, предложение это интересное, смелое.

Горбачев. Так что, оно Вас заинтересовало?

Рейган. А Вы согласны провести вечером встречу на уровне экспертов?

Горбачев. Мы об этом поговорим.

Рейган. Вы говорили о ваших опасениях. Но я хочу вспомнить о времени, когда только у США было ядерное оружие. И мы предложили тогда сделать его международным, отказаться от нашей монополии. Мы могли тогда диктовать миру свои условия, но мы не сделали этого, не сделали ничего подобного.

Горбачев. Следующий вопрос. Правильно ли я понимаю, что Президенту США теперь уже не нравится предложенный им же нулевой вариант по ракетам средней дальности?

Рейган. Нет, мне он очень нравится, но только при глобальном решении вопроса. Если ноль будет в глобальном масштабе, то это было бы прекрасно. Но если ракеты промежуточной дальности будут ликвидированы лишь в Европе, в то время как у вас останется значительное число ракет, нацеленных, по Вашим словам, на Азию, то с этим нельзя согласиться. Ведь ваши ракеты смогут и оттуда достигать Европы, и кроме того, они могут внезапно перебрасываться в другие места.

Горбачев. Но ведь и у вас есть ядерные средства в Южной Корее, на базах, на средствах передового базирования, не говоря уже о других ядерных вооружениях. Поскольку Вы в свое время высказали озабоченность по поводу положения в области ядерных вооружений в Европе, мы и предлагаем ликвидировать все ракеты средней дальности в Европе. Что касается средств с дальностью менее 1 000 км, то мы предлагаем заморозить их и начать переговоры, а по средствам в Азии — также начать переговоры с тем, чтобы найти решение по этим ракетам в Азии и, таким образом, решение вопроса в целом.

Мы уже пошли на то, что оставили в стороне стратегические арсеналы Великобритании и Франции — и это уступка с нашей стороны. Мы также не ставим вопрос о средствах передового базирования. Почему же Соединенные Штаты не сделали какого-либо встречного шага? Ведь то, что мы сейчас предлагаем, — простое решение: ноль в Европе, а по Азии — переговоры.

Шульц. Дело в том, что...

Горбачев. Я бы хотел узнать мнение Президента.

Рейган. Насколько я знаю, у нас в Азии нет вообще баллистических ракет. Вы говорите о морских вооружениях. Но в Тихом океане флот имеется и у нас, и у вас. Причем у вас — больше.

Горбачев. А самолеты? Какое для нас имеет значение: стратегический бомбардировщик нам угрожает или ракета среднего радиуса? У вас есть базы в Корее, на Филиппинах. Но давайте все обсудим, давайте поищем решение. Я уверен, что его можно будет найти.

Итак, мы предлагаем — в Европе ликвидировать РСД, вопрос об английских и французских средствах оставить в стороне, средства с меньшей дальностью заморозить и обсудить на переговорах. Что касается Азии, где озабоченность есть и у нас, и у вас, то это станет предметом переговоров, и решение там, думаю, будет найдено. Может быть, наши эксперты могли бы обсудить такой вариант вечером?

Рейган. Хорошо. Я и в Женеве, и в других местах неоднократно подчеркивал различие между бомбардировщиками, бомбами свободного падения и ракетами. Достаточно нажать кнопку — и через несколько минут целый район будет стерт с лица земли. Самолет же является по сути обычным видом вооружения. Он сталкивается с ПВО, его могут сбить. Но тем не менее, как я сказал, говоря о бомбардировщиках, мы идем вам навстречу, ограничивая число бомбардировщиков равным уровнем для обеих сторон. Но еще раз повторяю: самолеты, будучи обычным вооружением, не сравнимы с ракетами.

Горбачев. Но если мы ликвидируем ракеты, бомбардировщики по-прежнему будут летать. И будут летать больше прежнего, ибо не будет страха возмездия со стороны ракет.

Рейган. Поэтому важно не останавливаться на том, что мы обсуждаем, а решать вопросы и обычных вооружений.

Опасения есть не только у вас. Опасения есть и у нас в случае, если вы

сохраните ракеты якобы только для Азии, а у нас не будет "Першингов" и Европе. У нас тогда не будет возможности возмездия. Да, у нас останутся бомбардировщики, но к тому времени, как бомбардировщики направятся к своим целям, вы уже взорвете Европу. Разве это будет возмездие? Не говоря уже о вашей ПВО, перехватчиках, зенитных ракетах и т.д.

Горбачев. Ваша линия лишена логики. Эта проблема возникла в Европе. В Европе имеются также английский и французский ядерные арсеналы. Мы пошли на уступку, согласившись не учитывать эти весьма существенные арсеналы. Одной арифметики в этом вопросе недостаточно.

Дело обстоит, видимо, гораздо проще. Вы пришли с вашими ракетами в Европу и не хотите из нее уходить. Если это так, то так и скажите. Что же касается наших ракет в Азии, то они не достигают Европы (...).

Но я хочу Вас спросить, г-н Президент: если по Азии будет найдено решение, то Вы согласны на ноль в Европе?

Рейган. Да. Мы ведь их разместили лишь по просьбе наших союзников, которую принял мой предшественник, а я осуществил в ответ на ваши ракеты SS-20. Что касается ваших ракет в Азии, то я видел карты, из которых следует, что они могут поразить если не Англию, то Францию, Западную Германию, Среднюю Европу, Грецию, Турцию. Плюс к тому они мобильны.

Все это подчеркивает все то, о чем я говорил еще в Женеве. Прежде всего мы разберемся с вооружениями, надо постараться выяснить причины недоверия. Если его ликвидировать, то легче будет решать проблемы вооружений.

Горбачев. Верно. Поэтому меня удивляет, когда Вы оспариваете то, что я Вам сказал о наших ракетах в Азии. Они не достигают Европы. Об этом хорошо знают и специалисты, поэтому Ваша позиция представляет собой явный парадокс. Не говоря уже о том, что и соглашения можно точно оговорить, что никакие ракеты никуда перемещаться не будут и все это будет подвергаться самой строгой проверке.

Думаю, что мы можем проинструктировать наших экспертов обсудить Ваши соображения и мою идею. Но я правильно понимаю: если будут найдены развязки по Азии, Вы согласны на ноль в Европе?

Рейган. Да.

Горбачев. Теперь о другом. Если мы сейчас начинаем процесс сокращения стратегических и средних ракет, то как могут руководители наших двух могущественных государств допустить ликвидацию того, что является последним тормозом в нынешней опасной ситуации? Я имею в виду бессрочный Договор по ПРО. Разве можно его разрушать, а не укреплять? Ведь если мы будем сокращаться, то очень важно, чтобы обе стороны были уверены в том, что никто не создает средств в это время, которые подрывали бы стабильность и паритет. Поэтому мне представляется совершенно логичным шаг, который предлагали и Вы, и я, правда, имея в виду разные сроки, — обязательство о невыходе из Договора по ПРО в течение, как мы предлагаем, 10 лет при одновременных крупных сокращениях ядерных вооружений. Тогда это сокращение можно осуществлять уверенно. В противном случае, когда во время сокращений кто-то что-то делает за спиной, создается опасная ситуация.

Итак, логика требует укрепления Договора по ПРО. Тем временем ваша СОИ будет ограничиваться лабораторными исследованиями.

И последнее — о моем предложении относительно прекращения ядерных испытаний. Оно, я полагаю, является компромиссным, ибо охватывает и Ваши соображения. Мы предлагаем дать указания о начале переговоров, которые приведут к полному запрещению ядерных испытаний. Достижение этой цели потребует определенного времени. Поэтому на первом этапе переговоров можно было бы обсудить и поставленные Вами вопросы — о пороге мощности испытаний, их количестве, о судьбе договоров 1974 и 1976 гг. Все это также

будет предметом переговоров. В таком случае никто не сможет упрекнуть нас в том, что в вопросе о прекращении испытаний, который так волнует все человечество, мы обманываем себя и мировую общественность, ограничиваемся косметическими мерами. Мы сможем сказать, что начинаем полномасштабные переговоры о прекращении этих испытаний, на которых рассмотрим и указанные выше вопросы. Тогда будет ясно, что началось движение, которое на каком-то этапе приведет к прекращению испытаний.

Рейган. Это мне кажется интересным. Думаю, экспертам надо обсудить это вечером. Вернусь к Договору по ПРО. Мы убеждены, что вы нарушили этот договор своими действиями в области противоракетной обороны и строительством объектов вопреки договору. Что же касается СОИ, то я убежден, что это самая лучшая возможность обеспечить мир в нашем столетии. Мы не намерены ликвидировать Договор по ПРО. Мы предлагаем добавить к нему положения, касающиеся создания конкретных средств обороны, которые будут у обеих сторон. Мы предлагаем записать в договоре, что мы поделимся с вами средствами обороны, когда нам удастся их создать.

Горбачев. Давайте договоримся так: мы принимаем Ваше предложение о встрече экспертов в 8 часов вечера. Пусть они обсудят сегодняшние предложения и соображения, высказанные Генеральным секретарем и Президентом. Я проинструктирую наших людей искать подлинных решений, серьезных договоренностей по всем направлениям, включая контроль. Сейчас, когда мы обсуждаем конкретные этапы сокращения ядерных вооружений, мы будем драться за контроль, нам он нужен в 7 и раза больше, чем США.

Рейган. Послушайте, мы — две цивилизованные страны, два цивилизованных народа. Когда я рос — а это было раньше, чем появились Вы, — у государств были правила ведения войны, направленные на защиту мирного населения. Сегодня, когда существует режим ПРО, у обеих наших стран имеются страшные ракеты, нацеленные друг на друга, которые могут уничтожить бесчисленное число людей, причем прежде всего мирное население — женщин, детей. И единственной защитой от этой возможности является угроза того, что и мы в состоянии совершить такое массовое истребление. Это нецивилизованная ситуация. Я предлагаю систему, которая будет у обеих стран, которая не поставит никого в невыгодное положение, а ракеты сделает устаревшими. Одновременно она будет давать гарантию против действий какого-либо безумца типа Каддафи, который, будь у него ракеты, наверняка их использовал бы. Думаю, что мир станет гораздо цивилизованнее, если мы — две великие державы — покажем такой пример, создадим оборонительные системы и ликвидировав страшные современные вооружения. Думаю, что тогда мы сможем с гордостью смотреть в глаза всему миру.

Горбачев. Я бы предпочел ответить в менее философском духе, а скорее в практическом плане, что диктуется самим предметом нашего разговора. Наши предложения: на период, когда мы начинаем сокращение ядерных потенциалов — стратегического и средней дальности, давайте укреним Договор по ПРО. Мы считаем, что минимальным сроком строгого соблюдения этого договора является период в 10 лет. Идя навстречу позиции США, мы готовы согласиться с продолжением лабораторных исследований, которые позволят вам посмотреть, нужна ли вам полномасштабная, трехэшелонная ПРО или что-то другое. Кстати, это и в практическом плане соответствует вашим возможностям. Ведь раньше мы и не сможете ничего сделать, за исключением, может быть, некоторых компонентов. В течение всего этого периода у нас с вами еще будут оставаться огромные ядерные арсеналы, средства ПВО и т.д., и никакой террорист или сумасшедший не сможет ничего такого сделать.

Что касается СОИ, то сегодня она у нас не вызывает беспокойства в военном отношении. Мы не опасаемся трехэшелонной ПРО. Если ваши лабораторные

исследования побудят вас создать такую систему, поскольку, видимо, у Америки очень много денег, то наш ответ будет иным, асимметричным. Что на самом деле действительно беспокоит, это то, что нам трудно будет убедить наш народ и наших союзников в возможности начала сокращения ядерных вооружений в условиях ликвидации Договора по ПРО. В этом не было бы никакой логики, и на этой основе ничего нельзя построить.

Рейган. Мы совершенно не хотим ликвидации Договора по ПРО. Этот договор является оборонительным, однако вы воспользовались его положениями для создания мощного оборонного потенциала. Мы этого не сделали.

В нынешней ситуации мы можем лишь сказать американцам: если другая сторона уничтожит вас, то и мы уничтожим ее. Но от этого люди не спят спокойно. Мы предлагаем дополнить Договор по ПРО положениями о конкретных оборонительных средствах, которые создаются не для первого удара или для приобретения преимущества. Мы хотим, чтобы это было достоянием всего мира.

Горбачев. Мы СОИ не будем развешивать. У нас другая концепция.

Рейган. Мы не собираемся ликвидировать Договор по ПРО.

Относительно 10 лет, которые Вы предлагаете, могу сказать, что, судя по тому, как у нас идут дела, нам не понадобится 10 лет, чтобы кое-что продемонстрировать. Несколько лет назад я бы не сказал, что такое возможно, но сейчас думаю, что мы скоро сможем кое-что показать.

Горбачев. Мы принимаем к сведению Ваше заявление.

Итак, мы согласны с Вашим предложением о проведении встречи экспертов сегодня вечером.

Рейган. Остаются еще региональные, двусторонние и гуманитарные вопросы. Мы так увлеклись проблемами вооружений, что не коснулись этих вопросов, и, думаю, их можно с пользой обсудить. С нашей стороны в группу войдут Риджуэй, Саймонс, Мэтлок, Родман, Пэррис. Если с вашей стороны имеются лица, которые могли бы принять участие в таком обсуждении, то группа могла бы встретиться сегодня же, ведь завтра последний день нашей встречи, и, может быть, они могли бы посмотреть, к чему мы можем прийти по этим вопросам.

Горбачев. Хорошо, я согласен. О том, кто будет с нашей стороны в составе этих групп, мы сообщим Вам позже.

Рейган. Два слова в заключение. Вы сказали, что вам не нужна СОИ, но тогда мы могли бы параллельно осуществлять наши программы, и, если у вас будет нечто лучшее, то, может быть, вы поделитесь с нами.

Горбачев. Извините, г-н Президент, но Вашу идею поделить СОИ я не воспринимаю серьезно. Вы не хотите поделиться даже нефтяным оборудованием, автоматическими станками или оборудованием для молокозаводов, а поделитесь СОИ — это была бы вторая американская революция. А революции бывают не так часто. Давайте будем реалистами и прагматиками. Так надежнее.

Рейган. Если бы я думал, что СОИ нельзя будет поделить, то я сам бы ее отменил.

В заключение хочу передать Вам списки некоторых лиц. Это гуманитарные дела, проблемы разделенных семей и т.д.

Горбачев. Мы рассмотрим эти списки внимательно, как мы всегда это делаем.

Рейган. Я это знаю.

© 1993 г.

Г. ТУРУКИС

Европа

В поисках нового устройства

В последние два-три года события исторического значения стремительно следовали одно за другим:

— 9 ноября 1989 г. Берлин. Рушится бетонная стена, символизировавшая тридцатилетний раскол мира на две противоборствующие системы;

— 21 ноября 1990 г. Париж. Государства — члены СБСЕ подписывают Парижскую хартию для новой Европы;

— 19 августа 1991 г. Москва. Группа высокопоставленных путчистов пытается повернуть вспять ход истории, но путч проваливается, хотя в руках у заговорщиков были огромные средства насилия;

— 20 декабря 1991 г. Брюссель, штаб-квартира НАТО. Министры иностранных дел 16 стран — членов НАТО и 9 их коллег из 6 стран саморасформировавшейся Организации Варшавского Договора и трех республик Балтии учреждают Совет североатлантического сотрудничества. Военно-стратегическое противостояние Востока и Запада прекращается. В то же самое время в Кремле завершаются переговоры Михаила Горбачева с Борисом Ельциным. Президент СССР в рождественскую ночь уходит в отставку. А вместе с ним безвозвратно уходит в прошлое и СССР, на его месте рождается СНГ.

Мир шагнул в постсоветскую эпоху, для которой характерны стремительные геостратегические изменения. Президент США Дж. Буш приходит к выводу, что демократы в Кремле могут гарантировать безопасность его страны так, как этого никогда не смогли бы сделать ядерные ракеты¹. В свою очередь, президент Ельцин произносит в конгрессе США в июне 1992 г. одну из самых значительных в XX в. речей о новом подходе к проблемам безопасности и развития на нашей планете. Большая часть человечества, и прежде всего народы Европы, надеются, что возврат к "холодной войне" уже невозможен. Возникает, однако, вопрос: насколько европейский континент готов к окончанию такой войны?

ТУРУКИС Герасимос, мастер экономических наук (Греция).

¹ "Визма", 30.VIII.1992, стр. А10.